

Л. П. РЕПИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Тесно взаимосвязанные проблемы памяти и идентичности, как индивидуальной, так и коллективной, давно привлекают внимание представителей разных социальных и гуманитарных наук. Начиная с рубежа XX–XXI вв. в междисциплинарном поле *memory studies* стали все заметнее выделяться исследования, в которых проблематика памяти и идентичности переплетается с комплексом ключевых вопросов исторического познания, а также функций и способов презентации исторического знания, включая типы исторических нарративов. В этом контексте представляется необходимым апробировать новые, связанные с системным анализом исторической культуры, подходы к изучению факторов, механизмов и процесса исторического конструирования национальной и других коллективных идентичностей. Проект «Историческая память как фактор национальной идентичности» направлен на решение этих задач в сравнительно-исторической перспективе.

Ключевые слова: историческая память, культурная память, национальная идентичность, образы прошлого, “нарративы идентичности”, историческая культура, институты национальной памяти, компаративное исследование.

С конца прошлого столетия в мировой историографии активно обсуждается проблема соотношения истории и памяти, исторической / культурной памяти и идентичности, и сами эти понятия приобрели невероятную популярность у историков, культурологов, социологов, политологов, философов, представителей практически всего спектра социально-гуманитарных наук. При этом, несмотря на существование значимых разногласий по поводу ключевых концептов и особенно вокруг понятия «историческая память», тема роли памяти о разделяемом прошлом в конструировании коллективной идентичности заняла заметное место в междисциплинарном поле «мемориальных исследований» и в более обширном пространстве культурно-интеллектуальной истории¹. В это поле «попадают» не только процедуры выработки общих (принятых в данной общности) значений и смыслов, воспринимаемых и усваиваемых индивидом в процессе межличностной коммуникации («комму-

*Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

¹ Подробнее о теоретических разработках и конкретных исследованиях в области исторической памяти, в том числе в России, см.: Репина 2004; Леонтьева 2015; Леонтьева, Репина 2015; Репина 2013; 2015.

никативная память»), но и механизмы распространения и трансляции из поколения в поколение социально и культурно дифференцированных «образов прошлого», культурных символов, когнитивных схем.

Коллективная память опирается на социальный контекст. О том или ином событии помнят только тогда, когда оно размещается в концептуальных структурах, определенных сообществом. «Подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти»².

Рассматривая проблематику соотношения между индивидуальной и коллективной памятью, П. Рикёр поставил вопрос: для того чтобы «прийти к понятию совместного опыта, надо ли начинать с идеи “собственного” опыта, затем переходить к опыту другого и потом совершать третью операцию, названную коммунитаризацией субъективного опыта? Действительно ли эта цепочка необратима?.. У меня нет на это ответа... Существует такой момент, когда надо переходить от “я” к “мы”. Но не является ли этот момент изначальным, новой исходной точкой?»³. Придя к выводу о том, что «ни феноменология индивидуальной памяти, ни социология коллективной памяти не могут иметь под собой прочных оснований, если каждая из них соответственно считает справедливым только один из противоположных тезисов», Рикёр предложил «исследовать возможности взаимодополнительности, содержащиеся в обоих антагонистических по отношению друг к другу подходах...»⁴. Его гипотеза о существовании «промежуточного плана референции, где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим», «а именно: *плана динамических отношений между “я” и другими* (курсив мой. – Л.Р.)». Речь, таким образом, идет о распространенном в социальных науках представлении об обществе как системе или сети коммуникаций и о том, что прошлое конструируется в коммуникации⁵.

«Именно сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего»⁶. Метафора исторической / культурной памяти, в которой сквозь призму и потребности современности концептуализируются представления индивида и группы, социума (коллективного «Я») об «общем прошлом» («картина прошлого») и своем единстве во времени, Метафора исторической / культурной памяти, в которой сквозь призму и потребности современности концептуализируются представления индивида / группы / социума об «общем прошлом» («кар-

² Лотман 1996. С. 344-345.

³ Рикёр 2004. С. 166-168.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ См.: Филиппов 2005. С. 96-120.

⁶ Рюзен 2005. С. 48-49.

тина прошлого»), оказалась чрезвычайно востребованной как в разработке проблем исторического сознания, так и в изучении процессов формирования социально-групповой идентичности, основанной «на участии в общем знании и общей памяти» и использовании «общей системы символов»⁷. Историческая память, а также история как форма памяти о прошлом (коллективного рассказа сообщества о себе), или культурная память, направленная на фиксированные моменты в прошлом и обосновывающая через обращение к этому прошлому идентичность вспоминающей группы, последовательно характеризуется как связанная «с особым сознанием принадлежности и сплоченности, с мы-сознанием»⁸.

Историческая память, содержащая актуальный набор культурных символов, понимается как постоянно обновляемая структура или как непрерывный процесс, в котором идентичность социума поддерживается посредством реконструкции воображаемого прошлого (путем нейтрализации противоречивых и даже конфликтующих версий этого прошлого), а смена схем организации исторического опыта происходит тогда, когда социум сталкивается с действительностью, не укладывающейся в рамки привычных представлений, и потому требуется кардинальная реорганизация памяти о минувшем, пересоздание целостного образа прошлого⁹. Тезис о «реконструктивном характере» исторической памяти, подчеркивающий роль имплицитных в ней ценностных идей и связь транслируемого ею «знания о прошлом» с ситуацией настоящего момента, получил развитие в теории культурной памяти, но роль «культурной амнезии» в стереотипизации и мифологизации представлений о *недавно пережитом* опыте при радикальной смене идейно-ценностных ориентиров социума, как и противостоящую ей стратегию активации эмоционально-окрашенных образов прошлого, историкам еще предстоит исследовать.

Социокультурные факторы длительной временной протяженности и краткосрочные исторические ситуации образуют подвижный контекст, в котором социальное конструирование идентичности выступает как сложный процесс, подверженный воздействию разнонаправленных сил и многочисленных случайностей. Исследование этого процесса включает анализ соотношения мировоззренческого, ценностного, психологического и прагматического аспектов формирования и трансформации исторической памяти / воображаемой «картины прошлого», всех компонентов социального конструирования исторической преемственности, включая набор категорий и знаний, дающих материал для сознательной рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого «воображаемого сообщества» в исторической мысли и профессиональном историческом знании. В этой связи стоит, видимо, еще раз подчеркнуть, что, рассматривая в

⁷ Ассман 2004. С. 149.

⁸ Там же. С. 169.

⁹ Подробнее об этом см.: Репина 2014.

прагматическом ключе механизмы сохранения и передачи исторической памяти, социальное бытование представлений о прошлом и «нарративов идентичности», нельзя забывать о когнитивной роли исторической памяти, что предполагает принципиальную исследовательскую установку на синтез прагматического и когнитивного подходов к ее изучению.

Важным аспектом изучения идентичности является анализ способов формирования и изменения представлений о содержании понятий «я» и «мы» (как правило, противопоставляемых понятию «они»). На разных уровнях в эти представления входят: а) память о пережитом, или представления, сформированные на основе жизненного опыта индивида; б) представления, выработанные обобщенным групповым опытом предыдущих поколений и усваиваемые индивидом в процессе социализации. В этом комплексе разделяемых в сообществе представлений есть место и для *старых исторических мифов*, и – на определенном этапе – для элементов научного исторического знания, транслируемого через систему образования и преобразуемого обыденным сознанием в *новые образы прошлого*. Обращение «мы» индивидуальных исторических акторов в «коллективное единственное число», которым оперирует как сказитель, писатель, философ, публицист, так и историк, приводит к неизбежной антропоморфизации общности, судьба этого «человекоподобного» коллективного субъекта истории становится основным сюжетом исторического нарратива, квазибиографического повествования о его происхождении, славном или трагическом прошлом, окрашенном отношением автора к настоящему и его видением будущего¹⁰. Национальная идентичность исторична, нация, по сути, тождественна истории нации, т.е. нарративам национальной истории. Прошлое народа или нации не сводится лишь к совокупности «фактов» или даже к сцепляющим их «объективным» связям: в нём прежде всего раскрывается смысл исторического существования, воплощается система ценностей.

Проект «Историческая память как фактор национальной идентичности», осуществляемый Сетевой научной лабораторией «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры» и Центром интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, имеет целью разработать ключевые аспекты темы на материале России и ряда других стран Старого и Нового Света с существенно различающимися траекториями формирования национальной идентичности. Предполагается выяснить функционирование разных каналов трансляции памяти о про-

¹⁰ Размышляя об этнической / национальной перспективе классической историографии, Войцех Вжосек справедливо отмечает, что «нация, или государство, или династия становятся героями драмы <...> Другие участники истории оказываются для нее лишь фоном, контекстом. Это, собственно, предопределяет тот факт, что национальная история этноцентрична. В результате национальные историографии состоят в многовековом диалоге (споре, иногда конфликте) этноцентризмов». – Вжосек 2010. С. 11-13.

шлом: устные воспоминания, легенды и предания, различного рода записи и документы, сочинения историков, учебные материалы, монументальные памятники, празднества, сценические представления, средства массовой информации и др., а также роль таких «институтов памяти», как система образования (разных уровней), архивы, библиотеки, музеи и другие объекты культурного наследия. Ставится задача выяснить условия и механизмы формирования и фиксации представлений об опыте недавнего прошлого и долговременной исторической памяти, способы коммеморации, воздействие образов прошлого в социальной и культурной памяти на мотивацию поведения индивидов и групп, приемы инструментализации исторической памяти («политики памяти») и использования «исторических» построений в прошлых и текущих этнических, конфессиональных и национальных конфликтах. Для получения в конкретных исследованиях сопоставимых результатов разработан специальный вопросник, позволяющий выявить успешные и нереализованные модели исторического проектирования будущего через формирование национально-государственной идентичности в ее конкуренции с другими формами коллективной идентичности (социально-классовой, региональной, этнической, конфессиональной). Такое широкомасштабное компаративное исследование механизмов и траекторий формирования национальной идентичности предпринимается впервые.

Исследовательский проект имеет комплексный характер и опирается на методы «новой социокультурной истории», в которой скрещиваются перспективы истории ментальностей и исторической антропологии, исторической когнитивистики, социальной истории, исторической имагологии, и на теории исторического сознания, культурной памяти, теории идентичности и теории символов (в применении к историческим символам), а также на опыт теоретико-методологического синтеза социокультурного, семиотического, прагматического и когнитивного подхода к изучению феномена исторической памяти и исторической культуры¹¹.

Проект ориентирован на комбинацию и использование в качестве взаимодополняющих антропологического, информационного, коммуникативного и когнитивно-деятельностного исследовательских подходов, представленных в современной историографии как альтернативные, на социальную праксеологию, интегрирующую структурный (нормативный) и феноменологический (интерпретативный, или конструктивистский) подходы, на «социальную семиотику памяти», типологию кризисов исторического сознания и способ преодоления травматического

¹¹ В основе исследовательского подхода – реконцептуализация понятия «историческая культура», в которой воплощается постоянная «работа» общества (посредством разных лиц и средств коммуникации) по осмыслению, реструктуризации и символической репрезентации своего социально-исторического опыта в «местах памяти», «образах прошлого», исторических символах. – См.: Репина 2006.

опыта. Здесь оказывается востребованной развернутая модель анализа, которая учитывает изменчивость как в констелляции «внешних» обстоятельств, так и в «субъективной реальности». Для изучения роли, которую играет историческая память в конкретных исторических ситуациях, требующих принятия важных социально-политических решений, необходима также сложная модель взаимодействия общекультурных и групповых представлений о прошлом, настоящем и будущем, способная охватить долговременные процессы конкуренции политических проектов с использованием исторической аргументации и смену образов «триумфов» и «катастроф», «героев» и «предателей» в общественном сознании, истории политической мысли и профессиональной историографии.

В ряде публикаций данного специального выпуска мы представляем некоторые сугубо предварительные результаты работы по проекту, включая теоретическую проработку базовых категорий и концептов, представленных в разных моделях исторической памяти, а также конкретно-исторический анализ процессов и механизмов конструирования социальной, этнической и национально-государственной идентичности

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянск. культуры, 2004. 368 с.
- Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. Вып. 30. 2010. С. 5-13.
- Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59-96.
- Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Выпуск 9 (42) URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 5-18.
- Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и Новейшая история. 2004. № 5. С. 33-45.
- Репина Л.П. Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013 год. М.: Наука, 2014. С. 206-231.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // “Цепь времен”: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005.
- Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в контексте коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 96-120.
- Repina L. Historisches Gedächtnis und kollektive Identität: Schwierigkeiten der Konzeptualisierung // Erinnerung an Diktatur und Krieg. Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945 / Hrsg. v. A. Wirsching, J. Zarusky, A. Tschubarjan, V. Ischtschenko (). München: Walther de Gruyter GmbH, 2015. S. 3-15.
- Repina L. Indywidualne i ponadindywidualne w konceptualizacji pamieci: od dychotomii do syntezy // Sensus Historiae. 2013. Vol. XI. No. 2. S. 43-56.

REFERENCES

- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.
- Vzhosek V. Klassicheskaya istoriografiya kak nositel' natsional'noi (natsionalisticheskoi) idei // Dialog so vremenem. Vyp. 30. 2010. S. 5-13.
- Leont'eva O.B. «Memorial'nyi povorot» v sovremennoi rossijskoi istoricheskoi nauke // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 59-96.
- Leont'eva O.B., Repina L.P. Obrazы proshlogo, memorial'naya paradigma i «istoriografiya pamyati» v sovremennoi Rossii // ENOZh «Istoriya». 2015. T. 6. Vyp. 9 (42) URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>.
- Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug, 2006. S. 5-18.
- Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya // Novaya i Noveishaya istoriya. 2004. № 5. S. 33-45.
- Repina L.P. Sotsial'nye krizisy i kataklizmy v istoricheskoi pamyati: teoriya i praktika issledovaniy // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2008–2013 god. M.: Nauka, 2014. S. 206-231.
- Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2004. 728 s.
- Ryuzen I. Krizis, travma i identichnost' // “Tsep' vremen”: problemy istoricheskogo soznaniya / Otv. red. L. P. Repina. M.: IVI RAN, 2005. S. -
- Filippov A.F. Konstruirovanie proshlogo v kontekste kommunikatsii: teoreticheskaya logika sotsiologicheskogo podkhoda // Fenomen proshlogo / Otv. red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. M.: Izd. dom GU VShE, 2005. S. 96-120.
- Repina L. Historisches Gedächtnis und kollektive Identität: Schwierigkeiten der Konzeptualisierung // Erinnerung an Diktatur und Krieg. Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945 / Hrsg. v. A. Wirsching, J. Zarusky, A. Tschubarjan, V. Ischtschenko. München: Walther de Gruyter GmbH, 2015. S. 3-15.
- Repina L. Indyvidualne i ponadindyvidualne w konceptualizacji pamieci: od dychotomii do syntezy // Sensus Historiae. 2013. Vol. XI. No. 2. S. 43-56.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Historical Memory and National Identity: Approaches and Research Methods

Closely linked problems of memory and identity, individual and collective, has long been a focus of various social sciences and humanities. From the late 20th – early 21st century, the studies, which link memory and identity with key problems of historical knowledge, and also of functions and ways to present historical knowledge, including the types of historical narratives, stood out in the interdisciplinary field of memory studies it seems necessary in this context to try new approaches, connected the systemic analysis of historical culture; these study factors, mechanisms and the process of the historical construction of national and other collective identities. The project “Historical memory as a factor of national identity” aims to analyse these topics in comparative historical perspective.

Keywords: historical memory, cultural memory, national identity, images of the past, ‘narratives of identity’, historical culture, institutes of national memory, comparative research.

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Deputy Director of the Institute of World History of the RAS, Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru